

Это были самые жестокие слова, которые можно было сказать Се Фу. И хотя Хуа Чжао произнесла их легко и непринужденно, они прозвучали словно тяжелый молот, со всего маху обрушившийся на сердце Се Фу и лишивший его возможности дышать.

Услышав это, Се Фу действительно весь задрожал, и в его глазах на мгновение вновь воцарилась пустота.

Он недоверчиво уставился на Хуа Чжао, во все глаза глядя, как она уходит от него, и, остолбенев, больше не попытался протянуть руку, чтобы удержать ее.

За всю свою жизнь Се Фу перенес бесчисленное множество унижений. В детстве он скитался повсюду вместе с матерью, изгнанной расой демонов, и ему даже довелось побывать нищим.

Позже, когда мать выдали замуж за члена клана бессмертных Се, легкой и беззаботной жизни это ему не принесло. В клане Се его мать была лишь смазливой наложницей с приплодом от первого брака.

Он не был юным господином из клана Се и ценился даже меньше, чем слуги. Его непрестанно травили, и годами он терпел муки, которые обычный человек не в силах вообразить.

Когда матери не стало, он с большим трудом — лишь как инструмент клана Се — был помолвлен с представительницей другого клана бессмертных, но был публично отвергнут и унижен, а затем изгнан из дома. На краю гибели его подобрал Старейшина Хунбо из Секты Меча Цинлин и принес на Гору Цинлин.

Оказавшись в секте, Се Фу из-за низкого уровня культивации по-прежнему не мог попасть во внутреннюю секту. Он оставался во внешней, где терпел бесконечные издевательства и несколько раз едва не расстался с жизнью. Когда он умирал, у него пробудился духовный корень, но поскольку до порога внутренней секты было далеко — не говоря уже о том, чтобы увидеться со старшими наставниками, — во внешней секте он по-прежнему оставался мишенью для насмешек и объектом для вымещения злобы.

До тех пор пока однажды во время внутрисектантских состязаний его не прикомандировали во внутреннюю секту для уборки. Стояла лютая зимняя стужа, его руки и ноги потрескались от мороза, и кто-то толкнул его прямо в сугроб. Именно тогда он встретил похожую на небожительницу Хуа Чжао.

Хуа Чжао отчитала тех, кто издевался над ним, доложила старшим об их злодеяниях и отправила всех в Зал Правосудия.

Она же подарила ему теплую одежду и еду, а также смазала его раны целебной мазью.

Она была первым по-настоящему чистым и добрым человеком, встретившимся ему на

жизненном пути — прекрасным настолько, что это казалось неправдоподобным. Се Фу привязался к ней всем сердцем и полюбил ее; подобно мотыльку, летящему на огонь, это произошло само собой.

Благодаря тому, что Хуа Чжао постоянно заботилась о нем и то и дело приносила высокоранговые Пилюли, Се Фу сумел прорваться на Стадию Очищения Ци. Она также умоляла Старейшину Хунбо, который уже решил больше не брать учеников, нарушить свое слово и все-таки принять Се Фу в качестве своего последнего ученика.

Лишь после этого Се Фу начал жить с высоко поднятой головой. Шли годы, он постепенно стал выделяться среди учеников секты, а также пообещал Хуа Чжао связать с ней свою жизнь.

Се Фу обессиленно осел у порога. Из-за согбенной позы рана на его спине заныла тупой болью, но он ничего не понимал. Он не понимал, почему Хуа Чжао внезапно так изменилась. Не понимал, как она, будучи прежде одержимой им, могла за одну ночь переключить свое внимание на другого.

Еще меньше он мог осознать, как Хуа Чжао — та самая девушка, которая жалела даже ничтожных муравьев, такая добрая и отзывчивая — могла произносить столь безжалостные и легкомысленные слова.

Се Фу долго сидел у порога, не двигаясь, и тщательно, слово за словом, припоминал все, что говорила Хуа Чжао, пытаясь проанализировать ее поведение.

А Хуа Чжао в это время совершенно не заботилось о том, терзается ли Се Фу душевной болью. Она обыскала всю округу, но так и не нашла свою улетевшую утку.

Как раз в этот момент один из младших учеников вел переговоры с местным жителем, предоставившим им кров, обсуждая компенсацию за дом, который обрушился в ходе их недавнего поединка. Хуа Чжао увидела, как он сунул земляку кошель с деньгами. Обладая острым зрением, она заметила, что цвет этого кошелька ей знаком — точь-в-точь такой же был в Сумке для хранения Ши Ушэ.

Тогда она явно повесила Сумку для хранения Ши Ушэ себе на пояс, а проснувшись, обнаружила, что та пропала. Вспомнив об этом, Хуа Чжао даже слегка усмехнулась: когда же это Ши Ушэ успел незаметно стянуть её обратно?

Хуа Чжао подождала, пока младший соученик закончит разговор с земляком и тот уйдет, затем шагнула вперед, похлопала этого младшего соученика по плечу и спросила:

— Ты не видел Второго старшего брата?

Младший соученик повернулся, и, разглядев его лицо, Хуа Чжао слегка замерла. — Старшая сестра, — подал голос младший соученик. Голосок у него был тонкий, немного похожий на

девичий.

Хуа Чжао уже видела этого младшего брата тогда, когда Ши Ушэ, прижимая её к себе, открыл дверь, чтобы позлить Се Фу. У этого паренька были круглые кошачьи глаза, а их стеклянный блеск чем-то напоминал глаза Ши Ушэ.

Но в тот момент Хуа Чжао была до смерти напугана и не обратила на него внимания. Теперь же, приглядевшись повнимательнее, она с внезапным озарением произнесла:

— Котёнок?

Младший соученик улыбнулся в ответ. Из-за глаз, похожих на кошачьи, тонкого голоса и имени Дан Ли, созвучного со словом «дикая кошка» (шаньли), многие в секте звали его Котёнком.

Он совсем не возражал и даже любил это прозвище, тем более что и сам держал несколько диких кошек.

Его можно было назвать старым знакомым Хуа Чжао. Она помнила его имя главным образом потому, что он погиб поистине ужасной смертью.

Правда, близко они не общались, и она знала лишь то, что во время испытания в Тайном царстве он попытался защитить Се Фу и пал жертвой демонических зверей — его обглодали так, что осталась едва ли не одна голова, прежде чем кое-как предать земле.

— Старшая сестра ищет второго старшего брата? Я тоже не знаю, куда он ушёл...

Глядя на Дан Ли, Хуа Чжао отогнала мрачные мысли и завязала с ним неторопливую беседу. Вывод напрашивался сам собой: Ши Ушэ неизвестно куда запропастился, а все заботы по наведению порядка спихнул на Шань Ли. Шань Ли утверждал, будто Ши Ушэ в одиночку отправился выслеживать нечисть, бушующую в селении. Вся проблема заключалась в том, что прибывший отряд уже несколько дней жил здесь, но они понятия не имели, что за злодей бесчинствует в этих краях.

Было известно лишь то, что местные жители страдают от странного упадка сил, многие видят кошмары, а немало несчастных и вовсе задохнулись во сне.

Немного поговорив с Шань Ли, Хуа Чжао выведала у него, в каком доме Ши Ушэ поселился на этот раз.

Искать его дальше она не стала — в конце концов, с её нынешним уровнем культивации за Ши Ушэ всё равно не угнаться. А если бы она действительно догнала его в момент изгнания нечисти, то лишь путалась бы под ногами.

Поэтому вечером, погрызнув сладостей вместе с Цзи Ша, Хуа Чжао отправилась караулить Ши Ушэ прямо в его комнату.

Особым уважением к хозяйшке её подход не отличался, поскольку ждала она его на самой кровати Ши Ушэ.

К тому же ожидание затянулось, а плотный ужин дал о себе знать, и Хуа Чжао незаметно заснула прямо на его постели.

Вернувшись, Ши Ушэ нёс в руке кнуто-меч, с которого капала чёрная кровь.

Никакой высокоранговой нечистью злодей из этого городка не был — обычный культиватор-призрак. Он промышлял тем, что подпитывался человеческими душами и метил живых людей призрачными метками. Намеченные им несчастные страдали от кошмаров: сначала просто валились с ног от усталости, а с годами чахли всё сильнее, пока наконец не умирали во сне.

Души тех, на ком осталась призрачная метка, после смерти отходили к культиватору-призраку, и даже посланцы-небожители, ведающие удержанием душ из Царства призраков Хуанцюань, были не в силах их забрать.

Изначально Ши Ушэ планировал взять с собой учеников, чтобы они вместе обнаружили нечисть, прогнали её, а лучше всего — окружили совместными силами. Всё это делалось ради тренировки младших адептов и расширения их кругозора.

Но сейчас у него не было на это ни малейшего настроения — ему хотелось лишь поскорее вернуться в горы.

Поэтому сегодня ночью он отправился на охоту в одиночку и без труда схватил проклятого культиватора-призрака. Человеком этого монстра назвать уже было нельзя: те, кто практикует тёмные искусства, обычно выглядят крайне отталкивающе. Тот культиватор походил на облезлую обезьяну с иссохшим скелетом и провалившимися глазницами, а искаженная кожа обтягивала не менее уродливые кости — отвратительное зрелище.

От него разило мертвецким холодом, а судя по числу погубленных жизней, этот ублюдок идеально подходил для того, чтобы выпустить пар.

Ши Ушэ поймал его, подвесил и заживо забил кнутом до смерти. К концу экзекуции на дереве висела лишь пара сухих костей, а внутренности, плоть и даже дух обратились в прах под ударами его оружия.

Немного остыв, он вернулся, но не успел переступить порог, как почувствовал присутствие постороннего в комнате. Распустив духовное восприятие, Ши Ушэ замер на пороге со сжатым кнутом — словно изваяние грозного духа-хранителя, — и долго стоял неподвижно.

Его брови сошлись на переносице, лицо помрачнело от ледяной ярости, а в груди вновь неконтролируемо вспыхнуло пламя гнева.

Она посмела явиться сюда.

Посмела так безмятежно спать на его постели.

Не могла же она не знать, что это его новое жилище.

Сколько времени Ши Ушэ простоял на улице, он и сам не знал — бушующее внутри пламя вовсе не утихало, а разгоралось всё ярче.

Он плотно сжал губы, намереваясь уйти и устроиться в какой-нибудь другой комнате, но его снедало обидное чувство: с какой стати?!

С какой стати он должен сбегать из собственного жилья?

Вспыхнув золотистым сиянием, Ши Ушэ мгновенно очистил тело от следов крови, и даже тёмный кнуто-меч в его руке засиял ровным, глубоким матовым светом.

Он толкнул дверь и вошел внутрь.

Хуа Чжао лежала на кровати в одежде, свесив ноги с края. Спала она вполне прилично, вот только мертвецким сном: сколько бы времени её ни сверлили взглядом, обещающим скорую расправу, она даже не шевельнулась.

Впрочем, спокойно доспать эту ночь ей было не суждено. Посмотрев на неё ещё немного, Ши Ушэ почувствовал, как гнев вспыхивает с новой силой. Он опустился на колени у края кровати и протянул к ней руку —

Его огромная ладонь, охваченная обжигающим жаром ярости, скользнула под шею Хуа Чжао, крепко ухватила за затылок и рывком приподняла её.

А затем, словно нашкодившего цыпленка, попросту вздернул вверх.

Хуа Чжао проснулась в тот момент, когда её ноги волочились по полу: Ши Ушэ уже вытащил её к самой двери и от души пнул створку, отчего та с грохотом распахнулась.

Девушка почувствовала, как горячая ладонь, сжимавшая её затылок, делает резкое движение, и её легкое тело взмыло в воздух.

Приземление оказалось крайне неловким: она со всего маху грохнулась на пятую точку, да так крепко, что едва не вышибла из себя собственную душу.

Сразу за этим дверь с оглушительным грохотом захлопнулась прямо перед её носом.

Потребовалось пару ударов сердца, чтобы полностью прийти в себя. Одной рукой протирая глаза, а другой потирая ушибленный зад, Хуа Чжао осознала суровую реальность.

Ши Ушэ выкинул её из комнаты.

Какая невероятная холодность и бессердечность.

В прошлой жизни Ши Ушэ был влюблен в Хуа Чжао, но от начала и до конца почти не разговаривал с ней, и на то, очевидно, имелись веские, разумные причины.

Если уж заходит речь о красавицах, пробирающихся в чужую постель, то даже самый лишний сочувствия к женской красе мужчина в этом мире не додумался бы просто взять и вышвырнуть девицу за дверь, держа её за шкурку.

Попадись на её месте другая девушка, она бы, пожалуй, обходила Ши Ушэ за версту при каждой встрече и уж точно больше никогда бы не приблизилась к нему. Его характер был холодным и жёстким, словно сосулька — одновременно острый и ледяной.

Если бы не воспоминания из прошлой жизни, благодаря которым Хуа Чжао знала, что за человек Ши Ушэ, и не её способность чувствовать, что, выбросив её за дверь, он так и остался стоять у самого порога, она бы ни за что не стала к нему приближаться.

Но даже при всей своей осведомленности Хуа Чжао была вынуждена признать: в Ши Ушэ не было ни капли романтики.

Она ведь уже лежала на его постели! В такой момент ему следовало бы воспользоваться моментом, пока она спит, приударить за ней или вообще перейти к делу — в конце концов, даже если бы она проснулась, то не стала бы его винить, и они, полуставив друг друга, снова сошлись бы!

И что только за ледяные мысли роились в высеченной изо льда голове Ши Ушэ изо дня в день? Раз уж он смог придумать столь изощрённую и безжалостную пакость, пытаясь покалечить Се Фу, то почему не додумался соблазнить её и затянуть в объятия покрепче? Она бы с радостью поплыла по течению!

Хуа Чжао скосила глаза на плотно закрытую дверь, чувствуя досадное разочарование.

С таким скверным характером, если бы ему пришлось соревноваться с Се Фу на равных условиях, Се Фу дал бы ему фору в восемь кругов, и всё равно Ши Ушэ остался бы ни с чем!

Хуа Чжао поднялась на ноги, отряхнула одежду, вспомнила все те скрытые, но глубокие проявления заботы, которыми Ши Ушэ окружал её в прошлой жизни, глубоко вздохнула и

принялась скрести дверь.

— Второй старший братец? — Хуа Чжао легко царапала пальцами дерево, зная, что Ши Ушэ находится прямо по ту сторону.

— Второй старший братец, отвори же дверь, мне нужно тебе кое-что сказать.

Хуа Чжао принялась стучать громче: тук-тук-тук.

— Второй старший братец? Второй старший братец?

— Второй старший братец, ты ведь наверняка не спишь? Куда ты уходил этой ночью, не поймал ли какую-нибудь нечисть?

— Второй старший братец, давай поговорим...

Хуа Чжао прислонилась к двери и несла всякую чушь. Внутри не раздавалось ни звука, но из-за тонкой преграды, которая для практикующих не имела никакого значения — один внутри, другая снаружи, — Хуа Чжао умудрилась выудить из этого странного положения капельку романтики.

— Какая нынче чудесная ночь, неужели ты не хочешь выйти и полюбоваться ею?

Она прислонилась спиной к двери, глядя на мерцающие в вышине звезды. Ночной ветерок принёс с собой легкий сыроватый запах воды, приятно освежив лицо.

Как же всё-таки прекрасно быть живой, не удержавшись, мысленно воскликнула Хуа Чжао.

В прошлой жизни, когда Хуа Чжао была с Се Фу, ей не приходилось его ублажать. Он был бессердечным подонком, который никогда и ни из-за чего не устраивал истерик.

В прошлой жизни у неё был только Се Фу, и она вовсе не встречала таких мужчин, как Ши Ушэ, которые, безумно любя всем сердцем, способны сдерживаться и с жестоким сердцем выставлять любимого человека за дверь. Но Хуа Чжао прекрасно всё понимала. Она знала Ши Ушэ: как бы сильно он ни любил человека — настолько, что готов был сам перекрыть себе все пути к отступлению и добровольно испить яд с улыбкой на губах, — он всегда оставался гордым. Его спина до самой смерти не желала сгибаться. В отличие от Се Фу, умевшего приспосабливаться к обстоятельствам и ради некой цели поступаться внутренними принципами ради компромисса, Ши Ушэ не стал бы пресмыкаться в любви и кланяться ей, словно нищий.

Иначе в прошлой жизни Ши Ушэ до самой смерти не промолвил бы ей ни единого слова о своих чувствах, ведь тогда Хуа Чжао была женой Се Фу.

Такой нрав Ши Ушэ напомнил Хуа Чжао о чёрной лисице, похожей на собаку, которую та держала в прошлой жизни.

Та тварь жила за её счёт, но норов имела скверный: стоило погладить против шерсти, как она тут же начинала капризничать, кусала Хуа Чжао за руки, чуть что объявляла голодовку, а то и вовсе сбегала невесть куда на несколько дней.

Если подумать, их характеры были до странного похожи.

Хуа Чжао еще немного постояла, прислонившись к двери, однако Ши Ушэ внутри по-прежнему

не желал её отпирать. Тогда она перестала стучать рукой и принялась колотить в неё ногами, так что та гулко задрожала от ударов.

Стоявший в комнате Ши Ушэ от этого грохота испуганно отступил на шаг назад, ещё крепче сжав в руке кнуто-меч. В этом уединённом, скрытом от посторонних глаз жилище на его вечно суровом лице читалась лишь полная растерянность. Он не понимал, зачем Хуа Чжао снова пришла к нему.

Он не понимал, чего она, в конце концов, добивается.

Сердце Ши Ушэ было подобно этой двери — плотно сомкнутая створка раковины. Но Хуа Чжао уже видела, как эта раковина открывается, обнажая нежную и сладостную плоть, словно подношение, так с чего бы ей теперь пугаться его показной холодности и твердости?

Хуа Чжао знала: пора переходить к решительным мерам. Она больше не стала мягко звать его вторым старшим братом, а припала к дверной щели и прорычала:

— Ши Ушэ! Выходи!

Хуа Чжао нарочно провоцировала его:

— Ты что, боишься меня? Или не хочешь брать на себя ответственность? Сразу говорю, даже не надейся! Какой смысл прятаться? Я, может, уже ношу под сердцем твоего ребенка. Ты же сам прекрасно знаешь, что вчера вечером ты всё оставил внутри!

— Ши Ушэ, если ты мужчина, открой дверь...

Хуа Чжао прильнула к двери, выкрикивая эти слова и прислушиваясь к тому, что происходит внутри. В комнате Ши Ушэ, ошеломленный внезапной вспышкой Хуа Чжао, отступил еще на два шага назад.

Глава Зала Правосудия, всегда отличавшийся суровостью и безупречной выдержкой, смотрел на дверь так, словно перед ним был могущественный демонический зверь, с которым он не в силах справиться. Его кадык судорожно дёрнулся, пальцы, сжимающие кнуто-меч, побелели до синевы, но по мере того, как Хуа Чжао говорила всё более дерзкие вещи, щеки Ши Ушэ начал покрывать едва заметный румянец.

Впрочем, этот румянец мгновенно исчез: он инстинктивно пустил в ход духовную силу и разогнал его без остатка. Он был суров к ученикам сектантской братии и столь же скуп по отношению к самому себе — он не позволял себе поддаваться избыточным страстям.

Немного повозмущавшись и видя, что Ши Ушэ даже не собирается отпирать дверь, Хуа Чжао засучила рукава, поддавшись азарту.

Неужели сегодня она не сможет справиться с этим деревянным чурбаном, совершенно не

смыслящим в сердечных делах!

В конце концов, она столько лет прожила рядом с Се Фу, и у неё неизменно отложилось хотя бы пару-тройку приёмов его мастерства кружить голову толпам поклонниц!

Хуа Чжао остановилась у порога, перевела взгляд и решила обойтись без грубой силы, сменив тактику на мягкие и уязвляющие самолюбие уговоры.

Она снова прижалась к двери и почти нежно проворковала:

— Хороший мой старший соученик, открой же дверь. Я так хочу тебя увидеть, весь день не могла тебя найти.

Хуа Чжао прижалась щекой к стене, но в комнате царила тишина. Наконец, она пустила в ход тяжёлую артиллерию и прошептала в дверной зазор:

— Я рассталась с Се Фу.

Ши Ушэ стоял в глубине комнаты и при этих словах машинально сделал полшага вперед. Хуа Чжао тут же уловила это движение, закусил губу, и её лицо озарила торжествующая улыбка.

Ну что, сможет ли такой старый ёдзо, как я, проживший более четырех сотен лет, справиться с тобой, зеленым юнцом!

— Второй старший соученик, ты действительно не хочешь меня видеть?

Голос Хуа Чжао звучал нарочито удручённо:

— Ну ладно, раз ты не хочешь брать на себя ответственность, то и ладно. Всё равно моего отца сейчас нет в сектантской обители, и любой может меня обидеть. А раз я всё равно не смогла бы одолеть тебя, что ещё мне остается?

— Ладно, раз уж младший соученик говорит, что ему совершенно всё равно до меня и тебя... Я ухожу.

— Пойду куплю лекарство для аборта... — последнее было чистой выдумкой: если практики не желают зачатия, забеременеть попросту невозможно.

Высказав это, Хуа Чжао действительно развернулась и зашагала прочь.

Она принялась считать про себя:

Раз, два, три...

Дверь со стуком распахнулась.

Хуа Чжао с трудом стерла с лица торжествующую улыбку и, изображая несчастную, обернулась...

Её взгляд скользнул по исписанным защитными рунами сапогам Ши Ушэ, медленно пополз вверх по его крепким ногам и лишь спустя долгое время добрался до узкой талии.

Затем он поднялся выше, по вздымающейся груди, и встретился с его холодным, отрешенным взглядом, брошенным на неё сверху вниз.

В комнате горела лишь одна Лампада Вечного Света, и Ши Ушэ стоял к ней спиной. Его янтарные глаза превратились в два бездонных глубоких колодца.

Хуа Чжао впервые заметила, насколько высок Ши Ушэ, а исходящая от него аура подавляла настолько, что становилось трудно дышать.

Каким бы низким ни было её нынешнее развитие, в сумме прожитых жизней ей уже стукнуло несколько сотен лет. Пусть она не чувствовала от Ши Ушэ запаха крови, но отчетливо улавливала исходящие от него остатки свирепой жажды убийства.

Такая аура окружала стражей императорского дворца Юйсяо после каждой подавленной смуты демонов — сколько ни отмывайся, а отголоски останутся.

Хуа Чжао слишком хорошо знала это. Подобная кровожадность означала, что Ши Ушэ совсем недавно кого-то убил... Похоже, злой дух, творивший бесчинства в этом селении, уже нашел свою погибель от его руки.

Какая прелесть. Разозлился из-за неё, ушел и сорвал злость на нечисти?

Кроме того, Хуа Чжао заметила, что Ши Ушэ сжимает в руке свое именное оружие — кнута-меч «Чернохвост».

Оружие излучало мрачный холодный свет, и Хуа Чжао ни капли не сомневалась, что совсем недавно оно было сплошь покрыто кровью.

Она продолжила прикидываться несчастной:

— Второй старший соученик, давай с этого дня будем вести себя так, будто вчерашней ночью ничего не было!

С этими словами она закрыла лицо руками и бросилась бечь, хотя на самом деле это были

лишь пустые слёзы без капли воды.

Увидев, что она убегает, Ши Ушэ не бросился за ней в погоню, а лишь взмахнул кнутом ей вслед.

Оружие со свистом рассекло воздух, выписав молниеносную дугу, и стремительно полетело прямо на Хуа Чжао.

Столкнись с этим ударом какой-нибудь иной демон или нечисть, он, пожалуй, от страха лишился бы души еще до того, как его успели бы коснуться.

Хуа Чжао же вовсе не испугалась. Боль действительно не последовала: кнут, который днем способен был содрать с Се Фу кожу до мяса даже без вливания духовной силы, приблизившись к Хуа Чжао, полностью утратил свою свирепость и превратился в податливую мягкую ленту.

Словно веревка, он с шуршанием обвился вокруг талии и рук Хуа Чжао, накрепко связав её с ног до головы!

Раздался щелчок — шипы на кнуто-мече сомкнулись, намертво зафиксировав путы.

Хуа Чжао бросила взгляд вниз, изобразила испуг и крикнула:

— Что это ты делаешь, старший соученик! — а про себя изо всех сил старалась сдерживать смех.

В тот же миг Хуа Чжао почувствовала мощный рывок и, оторвавшись от земли, полетела прямо к Ши Ушэ.

Она издала короткий возглас, а когда её ноги снова коснулись пола, «Чернохвост» уже притянул её вплотную к Ши Ушэ.

<http://bllate.org/book/22424/2354333>